У каждой сказки – свой конец / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 22 января, 2025
У каждой сказки – свой конец / рассказ

У КАЖДОЙ СКАЗКИ – СВОЙ КОНЕЦ

1.

Что бы ни рассказывал дедушка Денгли – все у него похоже на сказку. Сразу и не поймешь: где правда, а где вымысел.
Тихо плещется огонь внутри старой ворчливой печурки. Бабушка Гюльсюн, жена дедушки Денгли, кладет на стол перед детишками старый небольшой мешочек: «Ешьте, ешьте, верблюжата мои». Сунешь руку в мешок, и словно волшебная скатерть-самобранка раскрывается, заманивая кишмишом, сушеными фруктами, другими сладостями.
Дедушка Денгли, бабушка Гюльсюн, их низенький глинобитный домик, старая печурка, мешочек со сладостями, если немного пофантазировать, сами по себе появились будто из сказки и живут в ней.
Полакомившись, дети, как обычно, ждали новой сказки дедушки Денгли. А она задерживалась. В доме дедушки Денгли и матушки Гюльсюн поселился разлад. По малейшему пустяку старики стали обижаться друг на друга. Но, как утверждает древняя пословица, все проходит. Прошли и обиды, отступило непонимание, и вернулась в дом сказка.
– Дедушка Денгли, расскажи!
Дедушка исподлобья смотрит на матушку Гюльсюн, сидящую рядом.
– Ай, мои черноголовые, сегодня я не стану ничего вам рассказывать! – говорит он.
– Нет, расскажи! Сказку расскажи! – не унимается детвора.
– Расскажи! Зачем ребят обижаешь? – заступается матушка Гюльсюн.

Приложив руку к груди, как делают визири в сказках, дедушка Денгли говорит:
— Повинуюсь. Было ли, не было, кто был — тот был, кого не было — того не было, в давние времена жили на свете бай и мудрый человек. Мудрый человек, как вам известно, во всем дока. Человек ли, привидение, животное — только губами пошевелит, а мудрец уже все понимает. Так вот, однажды бай гостил у мудреца, увидел это и рот от удивления раскрыл.
— Научи! — только и смог произнести. — Что хочешь возьми, только научи меня понимать речь собак, птиц, всех животных.
— Нельзя. Если неразумный человек станет пользоваться их речью, к хорошему это не приведет. Научу тебя, а ты поведаешь еще кому-нибудь, а как поведаешь, так и умрешь, — сказал мудрец.
— Ай! — воскликнул бай. — Даже если прямо сейчас меня отправят в ад, все равно научи! Хоть один день послушаю, о чем говорят животные.
Если мудрец животных понимал, то уж бая он понял и подавно. Не обучит его языку животных — придется расстаться с головой. Ничего не поделаешь — обучил.
Все богатство-то у бая было: бык, осел, петух да горсть золотых, которыми разве что позвенеть можно. Были еще у него жена и батрак.
Вот однажды утром, когда бай мастерил что-то в загоне для скота, осел посмотрел на быка и сказал: «И-а?» Бай понял: «Почтенный бык, что с тобой?» Бык, повернув голову, ответил: «Му-у! О-ох!» Это означало: «Вах, надорвался я, бедный, от работы!»
— Хык, хык… А-ррр, а-ррр!
— Вы только посмотрите, чему этот осел быка учит! «Притворись больным, ничего не ешь и не пей. Тебя не станут брат на работу».
Бай, который все это услышал и понял, с облегчением вздохнул. Сам того не ожидая, рассмеялся. Тут же за его спиной раздался голос: «Отец, вы чему смеетесь?» Обернулся, а в дверях стоит жена.
— Да так, воспоминания, — ответил бай.

— Что вам вспомнилось, почему вспомнилось?
Бай очень любил свою жену и не стал ей грубить, тихонько обнял, поцеловал в щеку и сказал:
— Через три дня скажу, стройная моя.
Утром следующего дня батрак стучит в дверь.
— Бай-ага, бык заболел, как пахать будем?
— Запряги осла!
— Да потянет ли он?
— Если хворостина будет прочной и длинной, то потянет!
Нетрудно представить себе, сколько мучений пережил за день осел. Я же расскажу только о том, каким он вернулся вечером в стойло. Уши опущены, слезы текут ручьем.
Доброе сердце быка дрогнуло.
— Му-у! Любезный осел, ты плачешь?
— Э… Здесь рыдать, а не плакать надо. Тебя хотят зарезать. «Заболел, — говорят, — к работе не пригоден». Не могу сдержать слез, больно за тебя.
Бай услышал их беседу и вновь засмеялся. А жене сказал, что обо всем расскажет ей через два дня.
Бык, как только услышал слово «зарезать», лишился покоя и сна.
Рассвело, батрак принес корм. Бык мгновенно все съел, словно сорок дней голодал. Бросят ему травы — слизнет, поставят воды — одним махом выпивает, никак не насытится. И заискивающе смотрит в лицо батрака, словно говоря: «Совсем здоров, погибать не хочется».
Дедушка Денгли остановился на минутку и продолжил:
— Значит, даже такому сильному животному нельзя так себя вести, смешно становится от его угодливости.
О том, что бык «здоров как бык», тотчас стало известно баю. Быка снова впрягли в соху.
Вечером собаку бая словно подменили. Всю ночь выла.
На рассвете к ней подошел петух.
— Собака ты эдакая, и сама не спала, и другим спать не дала! Что ты воешь, словно тебя побили?
— Как не выть? Жалко хозяина, умрет вот-вот!
— Точно знаешь?
— Вах, хозяин владеет секретом, открывать который нельзя. Если

расскажет, сразу умрет. А жена от него не отстанет, пока не выпытает. Завтра он ей все и расскажет.
Услышав этот, петух сильно рассердился.
— Ей-богу, как это так — не отстанет?! Разве можно выдать тайну из-за того, что глупую женщину одолевает любопытство? У меня десяток кур, но ни одна без разрешения лишнего звука не издаст. Если хозяин не справляется с одной женой и не может ей язык укоротить, пусть умирает, туда ему и дорога.
Хозяину, который сидел в кибитке поблизости, очень понравились слова петуха.
И как только жена начала приставать к нему с расспросами, бай взял палку и стал колотить жену, приговаривая:
— Вот тебе «скажи», вот, вот…
А когда тебя лупят палкой, интерес к тайнам пропадает.
Так с помощью мудрого петуха баю удалось избежать смерти.
Сказка благополучно для всех кончилась. Детвора довольна. А вот матушка Гюльсюн расстроена. Она останавливает веретено, отбрасывает его в сторону и, опершись о пол, кряхтя, поднимается с места.
— Нет, поглядите на него, люди добрые! Послушайте его болтовню! Сколько лет надрывалась, таская в его дом дрова, подолом подметала золу около его очага. Поседели мои черные волосы, пожелтели мои перламутровые зубы. И после этого что он говорит, нет, вы послушайте?
Гюльсюн еще многое перечисляет, прибавляя бесконечные «его» и «этого». Потом, причитая и вытирая глаза концом старенького платка, выходит из комнаты.
Дедушка Денгли сникает и уже не кажется добрым сказочником. Глаза его потухли, он сразу стал маленьким, сухоньким, и всем своим видом словно спрашивает нас: «Что же такое обидное я сказал ей?» Ребятишки ничего не понимают, сказка же кончилась хорошо. Жалея дедушку Денгли, удивленно пожимают плечами.
Да, сказке конец. Комната теряет свой уют. Слушатели возвращаются с небес на землю.
Старая печь, по-прежнему ворча, исходит теплом, однако комната, в которой поселился разлад, кажется холодной.

2.

Время бежит, словно вода в реке. Теперь в сказочный домик дедушки Денгли собираются уже дети детей. И они с трепетным восторгом слушают его сказки. Однако дедушка Денгли сильно постарел. Он нередко повторяет сказку, которую только что рассказывал. Может забыть, с чего начал, и досказать конец из другой сказки. Иногда так увлечется, что забывает о еде.

— Хозяин, вы что, сегодня великий пост соблюдаете? — озабоченно спрашивает его бабушка Гюльсюн.

— Нет, а что? — дедушка Денгли поднимает глаза и хлопает веками без ресниц.

— Кушать сегодня совсем не собираетесь?

— Да вроде недавно ели… Ай, неси, раз уж надо — поедим.

Порой бабушка Гюльсюн испуганно замечает:

— Ой, хозяин, что это с вами сегодня?

— А что?

— Слишком уж много едите.

— Ну, тогда убери… — отвечает дедушка Денгли и, словно обидевшись, отодвигается от стола.

— Вах, да я могу еще принести, не жалко. А если не осилите, остатки собаке отдать прикажете? — бабушка Гюльсюн тоже обижается.

Привыкшая всю жизнь готовить для большой семьи, она и для двоих варит полный казан.

— Значит, теперь для тебя что я, что собака? Эх, старуха, да ты…

Чтобы не вступать в перебранку, бабушка Гюльсюн крепко сжимает губы, ждет, пока дедушка Денгли воздаст хвалу Аллаху за посланную пищу, а затем убирает посуду, стряхивает крошки со скатерти и выносит чашки во двор, откуда вскоре начинает доноситься громкое звяканье.

— Если человек состарился, даже жена перестает почитать его, — ворчит дедушка Денгли. — Подает чай — чайник со стуком ставит, принесет дастархан — швыряет на кошму.

Вдруг, видимо, он что-то вспоминает, и по морщинистому лицу пробегает нечто похожее на улыбку. Он ласково смотрит на ребят

и уже совсем другим тоном продолжает:
— И то верно говорит! До сих пор что только она для меня ни делала. Во всем выручала, — и начинает хвалить бабушку Гюльсюн. — Да, когда-то была в силе моя Гюльсюн! Огонь была! Ступала гордо, все делала сноровисто. Гляди — не наглядишься. Только вот потом… наши мальчики… один за другим… Проклятый Азраил — бог смерти — словно поселился в нашем доме. Крохотного ребенка прямо из колыбели уносил, и старших не жалел. А моя Гюльсюн с ним пыталась бороться. Не одолела. Он всех забрал…
Ребятишки тревожно оглядываются по сторонам и теснее прижимаются друг к другу.
Дедушка Денгли задумчиво поднимает крышку пустого чайника, пытается вспомнить, пил он чай или только собирался, и зовет:
— Мать, поди-ка сюда!
Однако то ли вспоминает, что бабушка Гюльсюн вышла из комнаты, то ли догадывается, что чай он действительно уже пил… Поднимает еще раз крышку чайника и, пробурчав что-то, понятное только ему, замолкает.

3.

Дом дедушки Денгли наполнился шумом, на которой способны только женщины. В гости пришла старшая сестра бабушки Гюльсюн — матушка Айгюль. Дела и муж тотчас заброшены — бабушка Гюльсюн все внимание переносит на сестру, словно десять лет ее не видела.
— Вах, сестрица пришла, вах, родненькая пришла!
Нужно сказать, что между их домами всего одна улица, идти в гости — десять минут.
— Уж как мне захотелось увидеть тебя, сестреночка… Я жду, а ты не приходишь. Собралась и сама в путь отправилась.
— Вах, разве не сказано: «Одиночество старые боли будит».
— Да я и сама немного приболела. А сейчас, слава Аллаху, получше.
— Ой, а что с тобой было, сестра моя?
— Да я, сестрица, и сама не знаю, что было. Что-то болит. То

ли голова, то ли глаза, то ли уши.
— А почему мне сразу не сказала, внуков за лекарством не прислала? У меня ведь от всего есть.
— И не говори об этих внуках! Разве они что-нибудь как надо сделают? Пошлешь утром — вернутся к полудню и ничего не принесут.
— Недаром раньше говорили: «Мальца посылай, а сам за ним поспешай». Посиди, отдохни, а я чай приготовлю. Мои лекарства посмотрим, тебе подберем.
— Ничего, сестрица, не надо. Лекарства у меня и самой есть.
— Э-эй, хозяин, присмотри-ка сам за скотиной! — кричит бабушка Гюльсюн дедушке Денгли, который что-то мастерит во дворе.
— Ладно, ладно! Ешьте досыта свои лекарства! — отвечает дедушка Денгли и усмехается.
— Вот шутник нашелся. Доведут меня его шутки, — сетует матушка Гюльсюн. — Что ни скажи, он на свой лад да в укоризну.
— Ты так говоришь, словно все остальные мужчины не такие. Для них главное — их мнение.
Наконец, бабушка Гюльсюн и матушка Айгюль заваривают чай, ставят перед собой чайники и, вытащив по мешочку, кладут их на скатерть. В этих мешочках нашли приют две трети лекарств, хранящихся в районной аптеке. Здесь таблетки от головной боли, капли для глаз и ушей, настойка от зубной боли, порошки, микстуры… Словом, перед этими мешочками не устоит никакая хворь.
— Говоришь, голова болит? Сейчас я дам тебе одно лекарство, сразу забудешь, что такое головная боль. Вот. Нет, постой, вроде не то. У меня тоже что-то с головой. Или это? О, Аллах! А, наверно, это. На, выпей-ка. Ну как? Ага! Разве я не говорила! Видишь, словно рукой сняло. Равных ему нет. Это лекарство Игнат привез из города. Там плохое не пропишут. А вот еще что у меня есть! От зубов! Снимает боль даже с тех зубов, которые только собираются заболеть.
И странное дело, лекарства, хоть они принимают их наугад, помогают. Велика сила самовнушения!
— Э-эх, а ведь раньше таких лекарств и в помине не было, — неспешно продолжают беседу старушки. — А как нужны они тогда

были…
— И не говори, сестрица, будь у нас эти порошки, микстуры и таблетки, разве отдала бы я четверых ребят сырой земле! — вздыхает бабушка Гюльсюн, краем платка утирая слезы — Старшенький Алламурад сколько лежал, мучился. Каждый советовал свое. Одни твердили «травами лечи», другие — «накорми мясом ежа»… Что мы только ни перепробовали… Так и умер, родненький…
— Теперь ни трав не надо, ни ежатины. Проглотишь таблетку — все, уже здоров. Но теперешние это не ценят. Как-то мой внук говорит: «Бабушка, что это ты пьешь первое попавшееся лекарство, ведь это вредно?»
— А я так думаю, если они вредно, разве станут изготовлять его?
Их беседа длится часами. Они забывают о хворях, говорят о делах житейских.
Если бабушка Гюльсюн простынет или напомнят о себе старческие хворобы, то раньше Игната приходит матушка Айгюль. Лапшу приготовит, накормит, поговорит о жизни, напоит «сильнейшими лекарствами». А на следующий день возле дома дедушки Денгли затормозит грузовик сына матушки Айгюль.
— Ну-ка, сестрица, садись в машину, отвезу тебя к себе и стану лечить, как надо! — скажет матушка и увезет бабушку Гюльсюн. Возражать ей бесполезно.
— Может, и верно, что так лучше. Вдвоем им веселее, — рассуждает дедушка Денгли, расхаживая в одиночестве по своему опустевшему дому.
Если занеможет матушка Айгюль, то бабушка Гюльсюн делает то же самое. Долгие годы так было, и люди привыкли видеть их вместе, слышать бесконечные разговоры о приеме микстур и таблеток.
Сейчас это только воспоминания. Уже давно нет бабушки Гюльсюн, ушла она к старшенькому Алламураду, но тем, кто помнит ее, кажется, что, как встарь, приходила Айгюль и увела бабушку Гюльсюн к себе на лечение. Или они все трое попали в какую-ту хитрую сказку, откуда уже нет возврата…

* * *

■ Кулыев Комек родился в 1955 году в генгешике Эсли Саятского этрапа Лебапского велаята. Там же окончил среднюю школу. Окончил Туркменский государственный университет. Работал в редакциях различных газет и журналов, на Туркменском радио, в Центральном Комитете Молодёжной организации республики, был избран секретарём Союза писателей Туркменистана. В настоящее время ведёт курсы по драматургии в Туркменском государственном институте культуры. Автор ряда прозаических книг. Лауреат Молодёжной премии Туркменистана.

камертон_2011, N"15.

Hekaýalar